

Она имела в виду моего двоюродного брата, наследного князя Ци Ли Мина. Ли Мин был старшим внуком покойного князя Ци Юаньцзи, сыном наследника Юаньцзи. После событий у ворот Сюань Юаньцзи стяжал великие заслуги, потому и сын его унаследовал титул князя Ци. Мой сей двоюродный брат всегда славился доблестью и силой, совершил немало подвигов и почитался цветом императорского клана. Страдал он лишь прямолинейностью нрава, оттого, хоть и владел многими дворами, титул его так и оставался наследным князем Ци. Когда Матушка назвала его, он вынужден был выйти вперёд и произнёс глухим голосом: «Коли такова воля Императрицы, то, конечно, всё уместно.»

Матушка улыбнулась: «Коль уместно, отчего же не ответил сразу, как велено?»

Ли Мину не оставалось выбора. Он склонился до земли и громко провозгласил: «Я, наследный князь Ци Мин, повинуюсь воле Императрицы.»

Матушка перевела взгляд на Юаньгуя и прочих. Им тоже пришлось выйти из рядов и покориться. Затем все вновь совершили положенные поклоны, после чего церемониймейстеры повели нас в стрельбищный павильон, где мы выстроились по чинам. Внутренние слуги поднесли императорский лук. Матушка с улыбкой поднялась, встала в центре, натянула тетиву и выпустила три стрелы. Все три поразили самую середину мишени, ни на йоту не отклонившись.

В рядах снова поднялся сдержанный гул. Первой завела хвалебный хор принцесса Цяньцзинь, за ней подхватили княгини и принцессы. Даже я вставила положенные слова: «Императрица, ваше искусство — дар небес!» Среди мужчин первыми принялись аплодировать и восхвалять члены семей У и Ян, а также младшие родственники. Супруг принцессы Цяньцзинь даже вышел вперёд и тут же сложил оду, отчего Матушка просияла. Она передала лук и повелела мужчинам приступить к стрельбе по очереди.

Князь Хо и прочие старейшины, честно говоря, не горели желанием утруждать себя, но раз Матушка начала, пришлось взяться за луки. Кто-то попал одной стрелой, кто-то — двумя, но все три поразил мишень лишь один. Зато среди младших нашлось немало метких стрелков, и каждый из них получил в награду плащ с узором в виде закрученных линий.

Когда мужчины завершили стрельбу, настал черёд женщинам играть в тоуху. Никак не ожидала я здесь такого испытания и ужасно боялась опозориться. Пока судорожно соображала, что делать, почувствовала, что кто-то прильнул сзади и прошептал на ухо: «Держи стрелу двумя пальцами. Не смотри на горлышко кувшина, смотри на верхнюю часть позади него. Бросай кистью. Пусть не все попадут, но хоть не осрамишься.» Оглянулась — А-Хуань каким-то образом пробилась ко мне, сжала мне руку, прошептала наказ и тихонько отступила назад. Не знаю, намеренно ли Матушка так устроила, но единственные сидячие места в стрельбищном павильоне занимали она и Ли Дань на своём троне. Мы же все стояли по обе стороны. Павильон, в отличие от тронного зала, был тесноват для такой толпы, и каждый норовил встать поближе, отчего ряды скоро смешались. После стрельбы уже никто не соблюдал очерёдность по старшинству и чину — все сбились в кучки с близкими. Так что А-Хуань, проскользнувшая ко мне и обратно, осталась незамеченной.

Получив наказ А-Хуань, я немного успокоилась. Сама мысленно припомнила движения из прошлой игры в тоуху, рукой незаметно потренировалась пару раз. Когда настала моя очередь, из трёх стрел две попали в цель. Обернувшись, чтобы отыскать в толпе А-Хуань, увидела, что она беседует с княгиней Ци. Когда мой взгляд упал на неё, она, словно почувствовав его, слегка приподняла голову. Глаза её всё ещё были устремлены на княгиню, делая вид, что внимательно слушает, но локоть она чуть приподняла, раздвинула указательный и средний

пальцы и тайком показала мне знак «V».

Этот жест научила её я.

После обряда стрельбы мы отправились на пиршество во Дворец Хэби. Там Ли Дань вдруг закапризничал и расплакался — для его возраста продержаться так долго было уже достижением. Княгиня Ци, держа его на руках, кое-как от имени всех подданных совершила положенные поздравления Матушке с днём рождения, после чего передала его кормилице и поспешно удалилась.

Матушка нимало не смутилась поведением Ли Даня. С улыбкой повелев всем пить и вкушать яства, она вела пир с самого утра и до трёх пополудни. Затем вновь поднялась и повела всех на охоту в парк.

По нынешнему обычаю, когда присутствует Сын Неба, будь то охота, цуцзюй, игра в мяч, стрельба из лука или тоуху, первый приз всегда должен достаться государю. Лишь после громогласных барабанов и возгласов «Ваньсуй!» от свиты настаёт черёд прочим подданным. Матушка хоть и не была Сыном Неба, нынешним днём почти что уподобилась ему. Посему, когда мы прибыли в парк и выстроились, служанки поднесли Матушке лук. Та, не слезая с коня, ловко подхватила его, слегка взвесила в руке и с улыбкой промолвила: «Давно не упражнялась — не знаю, не подведу ли искусство.» Не дав никому и слова молвить в увещевание, она прищипорила коня и помчалась вперёд.

Гвардейцы заранее загнали в загон стадо оленей. Матушка, подскакав к самому краю, натянула тетиву и выпустила стрелу. Длинная стрела, украшенная золотым оперением, помчалась, словно падающая звезда, и вонзилась в шею вожака-самца. Тот дрогнул на бегу и рухнул на землю. Следующие две стрелы Матушки понеслись вслед: одна вонзилась в тело, другая — снова в шею. Матушка с начала до конца не сдерживала коня, пронеслась мимо стада, круто свернула направо и, вернувшись, выпустила ещё три стрелы, поразив одного оленёнка.

Лишь тогда Матушка натянула поводья и вернулась к толпе. Конь под ней вздыбился, издав протяжное ржание, и замер перед всеми. Тем временем гвардейцы прикончили издыхающего оленя-вожака, вытащили из его тела стрелы, и старший из них, держа их в руках, преклонил колено и возгласил: «Ваньсуй!» Тут же грянуло, словно прилив, многоголосое «Ваньсуй!» — кричали воины левой и правой стражей Цзинью, левой и правой доблестной стражи. Я на миг остолбенела, как вдруг услышала рядом звонкий голос А-Хуань: «Да здравствует Императрица!» Тут же и из толпы родичей поднялось многоголосое «Ваньсуй!» Кто кричал «Да здравствует Императрица!», кто просто «Ваньсуй!», а кто и «Да здравствует Государь!» Сначала вышел сумбур, но вскоре крики слились с возгласами гвардейцев в единый строй, и «Ваньсуй!» загремело, словно гром, накатывая волна за волной. Неведомо, кто подал пример, но вдруг все стали спешиваться, падать ниц и возглашать «Ваньсуй!», словно на приёме у Сына Неба. Те же, кто остался в седле, выглядели крайне неуместно. Несколько человек, помедлив, тоже слезли с коней, опустили на колени или сели на землю. Лишь князя Хо, Цао, Юэ, Ци, Сюй и Сюаньчэн из рода Ли, а также несколько престарелых сановников по-прежнему сидели в сёдлах.

Матушка медленно подняла лук. Гул голосов постепенно стих. В обширном парке стало слышно лишь шелест ветра да птичий щебет.

Матушка с улыбкой смотрела на князей, оставшихся в сёдлах. Взгляд её был ласков, без тени гнева: «Князь Хо и прочие почтенные мужи, коли годы и немощи одолели, не трудитесь

состязаться с младшими. Прошу в шатёр отдохнуть, подождать, пока они поднесут вам добычу.»

Князь Хо Юаньгуй взглянул на Матушку, поманил слугу и, опираясь на его руку, с трудом слез с коня. Склонился перед Матушкой в поклоне и промолвил: «Мы, старики, уже не годимся для службы. Охоту предоставим детям и внукам.» Выпрямившись, он, однако, добавил с улыбкой: «И Императрица тоже уже в летах. Таким погоням и состязаниям в удали негоже предаваться лично. Вдруг драгоценное здоровье пострадает — на кого тогда опереться Сыну Неба?»

Матушка ответила: «Верно говорите. Впрочем, я уже добыла свою дичь, так что не стану отнимать славу у младших.» Затем взглянула на князя Ци: «Князь Хо — дед вам, может в шатре подождать, пока вы, внуки, почтите его добычей. А вы, молодой да крепкий, не ленитесь.»

Князь Ци, коль уж Матушка назвала его, вынужден был слезть с коня и, сложив руки, ответить: «Повинуюсь.» Остальные, видя это, тоже поспешили спешиться. Старейшины один за другим приносили извинения, Матушка же, не принуждая их, обласкала каждого тёплыми словами. Затем обернулась к нам и громко провозгласила: «Сегодняшняя охота — забава, но назначены три награды. Первому — фиолетовое одеяние и длинный лук. Убившему хищного зверя — золотой слиток и парчовый халат. Убившему оленя — шёлк с павлиньим узором. Вперёд!» В конце она слегка вздёрнула подбородок, и тут же грянули барабаны и музыка. Глашатай громко повторил её слова, боевые знамёна заколыхались, передавая приказ отряду к отряду.

Мои родичи вместе со свитами бросились наперебой в лес, оставив многих жён на месте. Те лишь переглядывались меж собой.

<http://bllate.org/book/16278/1467201>